

Повесив трубку, Мэн Сяо лишь тяжело вздохнул, глядя на экран телефона. Племянник его был сущим наказанием: выставлял всё напоказ, едва ли не каждый чих, в то время как Цинь Шу ограничивался лишь сдержанными «лайками». Неужели художнику так трудно опубликовать хоть что-то самому?

Если бы это была просто интрижка, Мэн Сяо не стал бы так изводиться, но теперь, когда их начали связывать общие деловые интересы, он не мог не тревожиться. История знала слишком много пар, которые со скандалом расставались, стоило лишь вмешаться денежному вопросу.

Ци Юань присел на диван рядом с Цинь Шу. Мысль о «сбежавшей из рук жареной утке», о которой вскользь упомянул Мэн Сяо, лишила его покоя. Формально они уже жили вместе, но до главного десерта дело так и не дошло.

Актёр пристально, не мигая, уставился на партнёра. Цинь Шу, отвлекшись от работы и заметив его подавленный вид, спросил:

— Ты поссорился с дядей?

— Он хочет, чтобы я привёл тебя к нему на «смотрины», — буркнул Ци Юань.

Услышав это, Цинь Шу невольно выпрямился, словно находился не в уютном гостиничном номере, а уже стоял перед грозным родственником. В его представлении «дядя по материнской линии» был фигурой монументальной и непререкаемой — истинным главой рода в отсутствие родителей.

Заметив эту перемену, Ци Юань усмехнулся, и его тревога немного утихла.

— Что, испугался?

Цинь Шу качнул головой:

— Скорее, нервничаю. Нужно хорошенько обдумать, что преподнести ему в качестве подарка при первой встрече.

Ци Юань хотел было сказать, что в этом нет нужды, но, рассудив, что серьезность намерений Цинь Шу ему только на руку, промолчал. Художник же принялся расспрашивать о семье Мэн Сяо.

— Да что о нём рассказывать... Жена с ним развелась, забрала дочь и живёт отдельно. У дяди нет особых увлечений, кроме одного — он до безумия любит деньги.

Известие о разводе неприятно поразило Цинь Шу. Несмотря на современные нравы, в глубине души он считал брак делом священным и союзом на всю жизнь. Те, кто относился к семейным узам легкомысленно, вызывали у него инстинктивное отторжение.

— Можно спросить, почему они расстались? — осторожно поинтересовался он.

— Отчего же нельзя. Дядя пропадал на работе сутками — в нашей индустрии графиков не существует. Весь дом и ребёнок держались на тётушке. Оба они — люди вспыльчивые, каждый считал, что жертвует ради семьи больше другого. Встречи превращались в скандалы, и в итоге, в запале, они и подписали бумаги.

Ци Юань говорил об этом с напускным безразличием, однако Цинь Шу видел, как дрогнули цифры над его губами. Это событие до сих пор причиняло ему боль. Сердце художника сжалось от сочувствия.

Ци Юань почувствовал этот взгляд и опустил ресницы, пряча эмоции. Он не стал добавлять, что после развода отношения его родственников стали едва ли не теплее, чем в браке: они постоянно искали повод встретиться, прикрываясь интересами дочери, но при этом оба были слишком горды, чтобы заговорить о воссоединении.

Цинь Шу, желая утешить его, отложил планшет, придвинулся ближе и нежно коснулся его губ своими.

Это был мимолётный поцелуй, который лишь раздражил Ци Юаня, не принеся облегчения. Он мгновенно, словно лоза, обвил Цинь Шу руками, стремясь углубить ласку, но тот мягко отстранился.

Лицо актёра омрачилось, но Цинь Шу вдруг негромко рассмеялся:

— Не двигайся.

Утихомирив его не терпящим возражений жестом, он снова склонился к нему — на этот раз он хотел окружить его по-настоящему глубокой, исцеляющей нежностью.

Ци Юань, прижатый к спинке дивана, покорно принимал эту ласку. Поцелуй был настолько упоительным и мягким, что мысли в голове актёра окончательно спутались. Когда он пришёл в себя, то обнаружил, что уже сидит в ванне.

Приятная температура воды обволакивала тело, даря блаженство. Накануне они прилетели в Баокунь ночным рейсом, толком не выспались, а сегодня были изматывающие съёмки финала. Пока он был на ногах, усталость не ощущалась так остро, но стоило погрузиться в горячую воду, как она накрыла его с головой.

— Полежи немного, смой усталость, а потом поспи. Вечером у нас банкет, — распорядился Цинь Шу.

Ци Юань посмотрел на своё отражение в воде, затем — на невозмутимого Цинь Шу, и вдруг усомнился в собственной привлекательности. Он демонстративно выставил стройную ногу из пены, но, увидев, что партнёр по-прежнему бесстрастен, расстроился ещё больше.

Цинь Шу сверился с часами:

— Десять минут, не больше. Не сиди слишком долго.

С этими словами он быстро вышел, закрыв за собой дверь.

Ци Юань окинул взглядом свои длинные, безупречно очерченные ноги. Кожа была гладкой, без лишней растительности — вполне эстетичное зрелище. «Почему же он даже не взглянул?» — недоумевал актёр.

За дверью Цинь Шу бросил короткий взгляд на матовое стекло. На самом деле он сильно переоценил свою выдержку. Не стоило помогать Ци Юаню раздеваться — это стало для него суровым испытанием.

Устроившись на диване, он наконец успокоился и вернулся к мыслям о подарке для дяди. Ци Юань сказал, что тот любит деньги, но не может же он прийти в дом и просто вручить конверт с наличностью. Скорее всего, после такого его выставят за порог. К тому же почти все его средства были вложены в инвестиции, и свободных сумм сейчас не было.

К счастью, у него оставался его главный талант. Картины Цинь Шу стоили немало. Написать полотно для Мэн Сяо было бы лучшим решением: в это вложена душа, и при этом подарок не потребует лишних трат.

Он решил набросать эскиз на графическом планшете, но перо в руке двигалось как-то странно. Глядя на экран, он с ужасом осознал, что рисует вовсе не пейзаж, а человека, окутанного водяным паром, и изящную линию ноги на краю ванны. Цинь Шу помрачнел. Неужели он пойдёт по стопам своего предка, одержимого искусством до безумия?

Он выключил планшет. Незаметно пролетело полчаса, а Ци Юань так и не вышел. Цинь Шу встревожился и поспешил в ванную.

Актёр уснул, склонив голову набок. Его лицо, обращённое к двери, в расслабленном состоянии казалось беззащитным — веки скрыли лукавый блеск миндалевидных глаз, лишив их привычного вызова.

Возможно, из-за нравов придворной среды прошлого мира, Цинь Шу был почти невосприимчив

к красоте. Объективно говоря, Ци Юань был даже привлекательнее Чэнь Шана, но с самой их первой встречи внимание художника было приковано к его глазам. Ну и к губам, чего уж скрывать.

Цинь Шу осторожно вытащил его из воды. Пока он вытирал его полотенцем, дыхание «спящего» стало подозрительно тяжелым. Рука Цинь Шу на миг замерла, но затем он лишь ускорил движения. Быстро высушив кожу и натянув на актёра пижаму, он оставил Ци Юаня в состоянии крайнего неудовольствия — тот чувствовал себя так, словно его поманили десертом и тут же спрятали лакомство в шкаф.

Актёр уткнулся лицом в изгиб шеи Цинь Шу, притворяясь мертвецки спящим, и обмяк, не желая шевелиться. Художник усмехнулся и, подхватив его за бедра, легко поднял на руки. Ци Юань, которого в жизни так не носили, инстинктивно обхватил ногами его талию. Лишь осознав двусмысленность позы, он вспыхнул так, что на его щеках можно было жарить яичницу.

Цинь Шу, словно не замечая его смущения, уверенно зашагал в спальню. Номер был небольшим, и путь от ванной до кровати занял считанные секунды. Уложив актёра и укрыв его легким одеялом, Цинь Шу встретил его негодующий взгляд.

— Ещё пару таких раз — и я уйду в монастырь! — выпалил Ци Юань.

Художник легонько шлепнул его:

— Не болтай глупостей, спи.

Видя, что Цинь Шу собирается уйти, Ци Юань потянул его за руку:

— После окончания съёмок... ты всё ещё будешь жить со мной?

Он так крепко сжал пальцы под одеялом, что костяшки побелели. Цинь Шу склонился и запечатлел нежный поцелуй на его лбу.

— Конечно.

Глаза Ци Юаня мгновенно просияли. Цинь Шу накрыл их ладонью, чувствуя, как ресницы щекочут кожу.

— Поспи немного, не забивай голову чепухой.

— А ты?

Цинь Шу понял подтекст:

— У меня есть дела. Как закончу, приду к тебе.

— Ну ладно, — пробурчал тот.

Ци Юань и сам не заметил, как провалился в сон. Когда он снова открыл глаза, то обнаружил, что крепко зажат в объятиях Цинь Шу. Стоило ему шевельнуться, как художник проснулся. Взгляд его был ясным и внимательным.

— Еще поспишь? — тихо спросил он.

Голова Ци Юаня была тяжелой после долгого сна.

— Который час?

Цинь Шу взглянул на будильник:

— Почти четыре.

— Ого... — Ци Юань проспал больше трех часов.

Наслаждаясь послеобеденной негой, он перевернулся на бок и оказался лицом к лицу с Цинь Шу. Распаренный после сна, с розовыми щеками, он выглядел таким мягким, что художник не удержался от поцелуя. Они еще долго нежились в постели и поднялись лишь через полчаса.

Ци Юань любил комфорт, но не был рабом вещей. У него было врожденное чувство стиля: даже одежда из масс-маркета смотрелась на нем как высокая мода. Его дебютный фильм стал хитом, и рекламные контракты посыпались один за другим. Будучи ответственным амбассадором, он редко покупал одежду сам — бренды буквально заваливали его новинками.

Его повседневные траты составляли лишь малую долю от годовых доходов; по-настоящему тратить он начал лишь после встречи с Цинь Шу. Ци Юань обожал наряжать партнёра: тому невероятно шли классические черно-белые сочетания, придававшие его облику глубокое, аристократичное изящество.

Для сегодняшнего вечера Ци Юань выбрал именно такую палитру: легкие зауженные брюки без лишних деталей и белую рубашку из жатого шелка с коротким рукавом. Верхние пуговицы остались расстегнуты, открывая шею, которую украшала изысканная брошь на цепочке.

Манжеты были дополнены похожими декоративными элементами.

Цинь Шу и без того обладал врожденным благородством, а в этом наряде окончательно превратился в недостижимого принца — холодного и отстраненного, пока молчит, и пугающе серьезного, когда говорит.

Ци Юань некоторое время любовался результатом.

— Мой парень просто чертовски хорош, — вынес он вердикт.

— Ты лучше, — с улыбкой отозвался Цинь Шу.

Комплимент заставил актёра довольно сощуриться. Он вздернул подбородок:

— Гордишься, что у тебя такой красавчик в кавалерах?

Цинь Шу послушно кивнул, ожидая продолжения. И оно не заставило себя ждать:

— А теперь, о великий творец, примени свой безупречный вкус и наряди своего великолепного парня.

Цинь Шу притворно задумался, и Ци Юань тут же приуныл:

— Неужели не хочешь?

— Вовсе нет, — честно признался художник. — Я просто думаю, что ты настолько хорош собой, что в любом наряде будешь ослепителен. Трудно выбрать что-то одно.

После этих слов Ци Юань окончательно растаял.

Поскольку в этом отеле они остановились всего на день, большая часть багажа Ци Юаня осталась в минивэне, так что пространства для маневра у Цинь Шу почти не было. В итоге актёр облачился в свободный спортивный костюм светлых тонов, в котором выглядел как студент, едва покинувший лекцию. Вместе они представляли собой на редкость гармоничную и притягательную пару.

Когда они прибыли на место, Тао Хай еще не появился, но почти вся съемочная группа была в сборе. Увидев их, коллеги принялись шутить и улюлюкать, а кто-то и вовсе предложил им пожениться прямо здесь.

Ци Юань бросил быстрый взгляд на Цинь Шу и парой шуток перевел тему. После нескольких

месяцев совместной работы расставаться было грустно — следующая встреча должна была состояться уже на премьере.

Спустя некоторое время приехал Тао Хай в сопровождении молодой женщины. Ярко-красные губы, туфли на шпильках, усыпанных стразами, и черное платье — она напоминала прекрасного черного лебедя. Кем она приходилась главе корпорации, было ясно без слов: они были похожи как две капли воды, разве что черты лица девушки были более изтонченными.

Войдя, она обвела зал цепким взглядом и целенаправленно направилась к столу, заняв место прямо рядом с Цинь Шу. Лицо Ци Юаня мгновенно заледенело, а взгляд стал колючим.

Тао Хай, отстав от нее на шаг, присел по другую сторону от Ци Юаня. Рассадка получилась весьма странной, но никто не был слеп: было очевидно, что эта властная красавица нацелилась на художника.

— Познакомьтесь, это моя дочь, Таоцзы, — представил её Тао Хай, четко выговорив имя.

Кто-то из присутствующих не сдержался и прыснул.

— Папа! — «леди-босс» явно была не в восторге от своего домашнего прозвища.

— Хорошо-хорошо, виноват, — тут же пошел на попятную Тао Хай. — Друзья, вы можете называть её Персиком.

— Дочка, ты ведь хотела познакомиться с Цинь Шу? Вот он. Если сумеешь его убедить, я не буду возражать.

Слова прозвучали двусмысленно, и атмосфера за столом стала натянутой. Неужели большой босс привел дочь, чтобы увести парня у самого киноимператора?

Ци Юань помрачнел так, что казалось, сейчас разразится гроза. На его руках вздулись вены — он был на грани.

Цинь Шу взял его за руку и мимоходом коснулся губами его пальцев. Жест был настолько естественным и будничным, что никто не заподозрил в нем нарочитости. Удивительно, но это мгновенно успокоило Ци Юаня.

— Никогда бы не подумала, — заметила госпожа Тао, — что господин Цинь столь склонен к публичным проявлениям чувств.

Над столом повисло неловкое молчание. Цинь Шу же про себя подумал: «Зато это делает его счастливым».

<http://bllate.org/book/16121/1590604>